и к самому турскому царю, подымая его на благочестивого и христолюбивого государя и вел. князя Василия Ивановича всея Руси и на всю его благочестивую державу. Да вы же говорили: ратует вел. князь Казань, да его не будет и турецкий царь сраму не потерпит». «Да вы же ведали советы и похвалы турского посла Искандера, который хотел поднимать турского царя на государя и вел. князя и на всю его державу». «Да ты, Максим, то ведал, а государю вел. князю и его боярам не сказал. Да ты же говорил многим людям: быть на русской земле турецкому султану, потому что султан не любит сродников цареградских царей, а князь великий Василий внук Фомы Аморейского. Да ты же, Максим, вел. князя называл нечестивым гонителем и мучителем, как и прежние нечестивые гонители и мучители были. Да ты же, Максим, говорил: вел. кн. Василий выдал землю крымскому царю, а сам, испугавшись, побежал от турского. Да и как ему не бежать? Пойдет на него турский царь и ему нужно дать харач (дань) или бежать».[1]

Наиболее определенное и мотивированное мнение по поводу обвинений Максима, касающихся вопросов внешней политики, принадлежит, как известно, Голубинскому. О первом из них, особенно тяжком, Голубинский говорит так: «Обвинение на Максима с Саввой, будто они посылали грамоты к турецким пашам и к самому султану, поднимая султана на великого князя, не только представляет pendant к обвинению Максима в ереси, но нечто и еще гораздо более удивительное и в своем роде совершенное. Два греческие монаха, живущие в Москве, затевают такое дело, как посредством своих писем к султану возбудить последнего к войне против великого князя: похоже ли это на что-нибудь сколько-нибудь вероятное. И для чего монахи пожелали бы возбудить султана к войне? Чтобы он завоевал Россию? Но какая бы была монахам польза от этого и была ли хоть одна, не совершенно скотская душа в Европе, которая желала бы, чтобы какая-нибудь страна была завоевана турками? Но положим, что совершенно невозможное было возможно; султан, вовсе не помышлявший о том, чтобы воевать против России, о чем по географическим условиям помышлять ему было бы и совсем нелепо, находился тогда в таких отношениях с великим князем, что письма монахов тотчас же были бы доставлены в Москву. И если бы до такой степени тяжкое обвинение имело хоть тень правды, то вместо заточения в монастырях, которым подверглись Максим и Савва, не случилось ли бы того, чтобы они осуждены были на самую ужаснейшую и позорнейшую

[1] В. С. Иконников. Максим Грек и его время, стр. 465, 466. Изд. 2-е. Киев, 1915. Слово «испугавшись» пропущено у В. С. Иконникова; в подлиннике ему соответствует: «изробѣвъ».